

Выводы

Научная тема представляет собой совокупность феноменов, заключенных в научном исследовании и скрепленных воедино авторским замыслом, проблемой. Это когнитивная матрица, осуществляющая систематизирующую и интегративно-регулятивную функции в научном познании. Тема выстраивает горизонт, очерчивает возможное содержание своего видения, которое включает в себя

пространство смыслов и ценностных ориентаций, но не направление поиска.

Процесс формирования научной темы является весьма сложным и находится в сфере научного творчества. Во многом данное становление обусловлено социокультурными и когнитивными факторами.

Публикуется при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Холтон Дж. Тематический анализ науки. – М.: Прогресс, 1981. – 382 с.
2. Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
3. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. – М.: Издательский дом «Бахрах-М», 2001. – 450 с.
4. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 459 с.
5. Микешина Л.А. Философия познания. Poleмические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.
6. Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

7. Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 52–93.
9. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23. – С. 281–309.
10. Поппер К. Логика научного исследования. – М.: Республика, 2005. – 446 с.

Поступила 24.03.2010 г.

УДК 165.0

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО РАЦИОНАЛИЗМА И СТАНОВЛЕНИЕ КОЭВОЛЮЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Ю.А. Никитина, А.В. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: july_nikitina@mail.ru

Исследованы особенности кризиса действующей концепции рациональности. Показано, что современный системный кризис социума явился отражением более глубокого кризиса – кризиса рационализма. По мнению авторов, именно коэволюционно-инновационная рациональность способна стать основой стратегии выхода социума из системного кризиса.

Ключевые слова:

Коэволюционно-инновационная рациональность, системный кризис, коэволюционно-инновационная стратегия.

Key words:

Coevolutionary-innovationary rationality, general crisis, coevolutionary-innovationary strategy.

Современный мир характеризуется усилением системных противоречий, выявляющих грани глобального кризиса человеческой цивилизации, развернувшегося в конце XX – начале XXI вв., – наиболее разрушительного и опасного из всех. Системность цивилизационного кризиса, вновь актуализировавшего вопросы о смысле истории и о перспективах социальной эволюции, выражается прежде всего в его всеохватывающем характере, масштабности, взаимном интенсивном воздействии процессов, протекающих в различных сферах жизнедеятельности социума. Но этот кризис – лишь отражение ещё более глубокого кризиса в

сфере сознания, кризиса рационализма, приведшего к утрате миром ощущения его целостности и единства и оказавшего катастрофическое воздействие на социум, вступающий в новое тысячелетие. Сегодня рациональность эпохи постиндустриализма подвергается серьезным изменениям, а ее основы (демократия, закон, наука) – деформирующему воздействию беспрецедентных по масштабу трансформаций.

Отторжение действующей концепции рациональности приобретает все больший масштаб, что обусловлено обострением кризисных явлений в обществе. Одной из знаковых примет нарастающего

кризиса стало возникновение специфического кризисного сознания (что было характерно и для периода формирования иррационализма в XIX–XX вв.), направленного против роли науки как доминирующей и направляющей силы общественного развития. Н.Ф. Реймерс и В.А. Шупер в работе, посвященной конфликту науки и этики, отмечают: «В последние десятилетия наука стала мишенью острой и далеко не всегда обоснованной критики, причем не в качестве социального института, столь же несовершенного, как и все прочие ..., а в качестве Третьего Мира К. Поппера – знания об объективной реальности, понимаемого как совокупность строго проверяемых утверждений» [1. С. 68]. Надежды, которые возлагали многие авторы на стабилизирующие особенности таких сфер, как знание, наука, информация в предотвращении последствий системного кризиса, не оправдались, – сегодня он охватил все сферы жизнедеятельности социума. В этих условиях выработка оптимальной стратегии конструктивного выхода из кризиса невозможна без формирования концепции рациональности, призванной лечь в основу новой парадигмы мироустройства.

Анализируя направление современных тенденций в трансформации подходов к трактовке рационального, можно выделить три основные стадии в развитии концепции рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность, в теории познания соответствующие различным формам идеализации познающего субъекта и предполагающие различные типы рефлексии над деятельностью: «Классическая наука и ее методология абстрагируется от деятельности природы субъекта, в неклассической эта природа уже выступает в явном виде, в постнеклассической она дополняется идеями социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности» [2. С. 15]. Данные типы научной рациональности взаимодействуют, и появление каждого следующего из них не противоречит предшествующему, а лишь ограничивает сферу его действия.

В.С. Степин, уделяя особое внимание постнеклассической рациональности, обращает внимание на то, что познающий субъект в рамках постнеклассической науки должен не только «ориентироваться на неклассические идеалы...доказательности знания, ... но и осуществлять рефлексии над ценностными основаниями научной деятельности, выраженными в научном этосе. Такого рода рефлексия предполагает соотнесение принципов научного этоса с социальными ценностями, представленными гуманистическими идеалами, и затем введение дополнительных этических обязательств при исследовании и технологическом освоении сложных человекоразмерных систем» [2. С. 16]. Особенности формирования рациональности нового типа детально исследованы также в работах П.П. Гайдено, А.Л. Никифорова, И.Т. Касавина, В.Н. Порус, Н.С. Автономовой, В.С. Швырева.

Очевидно, что освоение и анализ сложных саморазвивающихся систем в рамках постнеклассической науки порождает необходимость этической оценки исследовательских программ. Все это свидетельствует о возникновении целого комплекса новых проблем не только методологического, но и мировоззренческого характера, что предполагает наличие условий для парадигмальной трансформации научной традиции. Такая традиция сегодня появляется в рамках учения о коэволюционном развитии мира – о развитии мира, в которое встроено человеческий разум. Идея коэволюции кардинально изменила мировоззренческие ориентиры социума. Трактуемая в широком смысле, она предполагает сосуществование и совместное согласованное развитие разнородных и находящихся на разных уровнях организации систем, способствующее повышению их совместной устойчивости. Меняя характер рациональности, концепция коэволюции становится ответом на вызовы современной эпохи, побуждающие человечество искать некатастрофические пути развития и новые смыслозначимые ориентиры.

Важно отметить, что ценность и приоритетный статус рациональности сегодня не меняются, хотя само ее содержание приобретает, несомненно, новое звучание. Новый рационализм настоятельно диктует необходимость утверждения смыслозначимых ориентиров, обеспечивающих совместное согласованное развитие природы и общества. Доминировавшая до сих пор идея преобразования человеком природы теряет свою значимость. Сейчас в мире идет активный поиск новых направлений развития на основе нового рационализма, предполагающего необходимость гармонизации отношений человека и природы, дабы избежать нежелательных последствий деятельности человечества.

Н.Ф. Реймерс и В.А. Шупер, поддерживая дискуссию об изменении подхода к концепции рациональности, отмечают, что «только знание законов природы может создать основу для успешных действий во благо человека и человечества. Это знание никогда не может быть полным, поэтому наряду с желательными последствиями любых осуществляемых в обществе мероприятий неизбежно будут возникать и нежелательные. Однако задача «социальной инженерии» в том и состоит, чтобы минимизировать отрицательные экономические, экологические и социальные последствия тех или иных мероприятий, либо рекомендовать отказ от их проведения, если возможная «плата» чрезмерно высока» [1. С. 74].

В истории развития философии и принципа рациональности можно найти предпосылки формирующейся сегодня традиции коэволюционного развития природы и общества. Неразрывную связь познания и нравственности, без которой невозможно постижение истины, в свое время подчеркивал также В.И. Вернадский: «Познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность по правилам самого человека. ... Для познания ис-

тины нужны не только умственные способности, но все чувства, мораль, нравственная ответственность» [3. С. 112].

Таким образом, сегодня можно констатировать наличие взаимной обусловленности парадигмальной трансформации научной традиции в направлении коэволюционных представлений о развитии мира и формирования рациональности нового типа, — ценностноориентированной, основанной на соотношении истины и нравственности. Тем не менее, мы считаем, что только в объединении с активно преобразующим, инновационным началом коэволюционная рациональность способна создать новую традицию, — традицию неразрушающей трансформации социума в его целостности и единстве социальных и природных систем.

Анализируя эволюцию концепции рациональности, нельзя обойти вниманием существенное влияние, которое оказали на формирование рациональности нового типа, — коэволюционно-инновационной — отдельные философские течения. Значимая роль в этом принадлежит русскому космизму как одному из теоретических источников нового рационализма, что, на наш взгляд, ярче всего проявляется в идее соборности. Так, по мнению П.Я. Чаадаева, ядро коллективного сознания общества составляют миросистемные, моральные и смысловые ориентиры. В интерпретации других представителей славянофильства именно соборность является основной характеристикой, позволяющей утверждать, что данный национально-культурный тип, будучи ее носителем, способен стать безусловным лидером во всемирном историческом процессе. Открытость национального российского самосознания общечеловеческим ценностям, всегда ему присущая и составляющая его специфику, выгодно отличает его от самосознания западного типа, базирующегося на индивидуализме и рационально-позитивистском мышлении. При этом, однако, русский космизм не отвергает рациональную форму знания. Так П.А. Флоренский считал, что будущее «цельное мировоззрение» должно соединить в себе рассудок и интуицию, разум и веру.

Одним из наиболее значимых антропокосмических учений, заложивших основу нового подхода к осмыслению взаимоотношений между человеком, обществом и природой, стало учение Н.Ф. Федорова [4] об общем деле, также развивавшееся в русле русского космизма. Рациональность Н.Ф. Федоров связывал с «общим делом» — тотальным изменением мира и самой человеческой природы в соответствии с нравственным долгом. По его мнению, этому изменению должны быть подчинены ключевые основы жизнедеятельности человека — социальная организация, нравственность и научно-технический комплекс. Подчеркивая необходимость активного вмешательства человека в стихийные процессы эволюции, Н.Ф. Федоров одновременно указывал, что необходимо направить всю силу коллективного разума и технические средства на глу-

боее изучение законов природы. В его работах формулируется, таким образом, антропокосмический смысл эволюции, основа которой — созидание «родственных» уз, способных объединить жизнь, всечеловеческую общину и космос. В центре внимания Н.Ф. Федорова — всеединое и эволюционирующее человечество, способное решить ключевые проблемы, связанные с его существованием: противопоставление индивидуализма и всеобщности, использование техники для жизнеобеспечения и применение ее людьми для взаимного убийства, подчинение естественным законам природы и контроль над ней. Таким образом, в своем учении философ сформулировал представление об истоках глобальных проблем современности, с которыми, во всей их полноте и масштабности, человечество столкнулось сегодня. Рациональное в трактовке Н.Ф. Федорова оказывалось неотделимым от нравственного долга, а активная деятельность человека допускалась на основе глубокого изучения законов природы, что во многом созвучно современным идеям коэволюции и инновации, — идеям совместного развития и активного преобразующего начала.

В свою очередь, В.С. Соловьев в своих работах подчеркивал, что цель познания — внутреннее соединение человека с истинно сущим, что предполагает включение нравственной составляющей непосредственно в процесс познания [5, 6]. Философии В.С. Соловьева присуще мистическое чувство единения всего со всем (поразительно перекликающееся с современными идеями), которое неразрывно связано с феноменологическим знанием. По его мнению, разуму изначально присуща идея добра, и рациональная этика должна основываться на ее развитии. Новая философия должна соединить восточное начало, основанное на понимании, и начало западное, рациональное, основанное на знании. На наш взгляд, именно в идеях В.С. Соловьева наилучшим образом отражены возможности и перспективы русского космизма как основы будущей гуманистической рациональности: оставаясь в русле европейского рационализма, русские философы привнесли в него новый мировоззренческий базис, включающий представление о человеке как о «гражданине мира», представляющего собой единый целостный организм. Таким образом, современные концепции, основанные на идее коэволюции природы и общества, оказываются глубоко созвучными русскому космизму, объединившему рациональность и нравственное начало.

Идея соборности, изначально присущая русской философии, имеет много точек соприкосновения и с идеями восточной философии, составляющей теоретический фундамент современной коэволюционной этики. Однако, в отличие от восточно-философских учений, русский космизм поддерживал идеи активного участия человека в эволюции (что дает возможность утверждать наличие идей инновационности в философии русского кос-

мизма), при этом рассматривая его как возможное лишь на основе соборности, глубокого знания законов природы и в соответствии с нравственным законом.

Особо, на наш взгляд, необходимо отметить роль в развитии идей коэволюции такого философского течения, как иррационализм, изменившего расстановку акцентов в восприятии рационального и стихийного, в принципе нерационализируемого феномена самой жизни (Шеллинг, Дильтей, Шпенглер, Бергсон) [7–10]. Именно представители иррационализма впервые очертили границы применимости рационального подхода к оценке жизнедеятельности социума, подчеркивая, что цивилизация, ориентирующаяся только на рациональное начало и игнорирующая естественные стихийные процессы, присущие ходу истории, в конце концов оказывается в тупике своего развития. Идеи теоретиков иррационализма подтвердили свою значимость в конце XX в., когда рационализм в его привычном понимании окончательно исчерпал себя. Сугубо рациональный подход обернулся для человечества развертыванием целого ряда глобальных проблем, решение каждой из которых представляет собой грандиозную по своим масштабам задачу.

Новая рациональность, формирующаяся сейчас на основе коэволюционной этики и инновационно-преобразующей активности социума, призвана заложить основы подхода к решению глобальных проблем, обеспечивающего социуму конструктивный выход из системного кризиса. К идее коэволюции неоднократно возвращался Н.Н. Моисеев, который подчеркивал необходимость следования ее принципам в разработке стратегий развития социума: «... уже давно в популяционной динамике используется термин *«sustainability»*. Он означает, что развитие популяции, входящей в ту или иную экосистему (биоценоз), должно быть согласовано с развитием экосистемы в целом. По существу, это и был принцип коэволюции в применении к конкретной популяции как части конкретной экосистемы» [11. С. 135].

Но еще раньше, на грани 20-х и 30-х гг. прошлого века Эрвин Бауэр ввел понятие «устойчивое неравновесие»: «Этот термин лингвистически бессмыслен, однако по существу он говорит о том же самом: развитие человечества как части природной системы не может быть стабильным, равновесным, но оно должно быть согласовано с ее развитием, следовать законам ее самоорганизации (эволюции). ... обеспечение коэволюции — непостижимо трудная задача, решение которой и составляет суть эпохи ноосферы. Иными словами, как только человечество осознает ее значение, эта задача делается «вечной». Ибо это и есть основное условие, необходимое для выживания человечества на нашей «грешной Земле!»» [12. С. 43–55].

Тем не менее, идея коэволюции, в той или иной степени пронизывающая работы многих авторов, в

основе своей оказывается на сегодняшний день не вполне реализуемой из-за прочно укоренившегося в сознании современного цивилизованного человека рационалистического подхода к окружающему миру. На наш взгляд, это обусловлено тем, что одной из наиболее уязвимых сторон разрабатываемых в настоящее время концепций, в разной степени предполагающих реализацию коэволюционного принципа, является игнорирование одного из важнейших свойств социальных систем. Этим свойством является их инерционность, обусловленная наличием исторической памяти.

Социальная система никогда не теряет полностью памяти о своей предыстории. Сформировавшиеся стереотипы обуславливают консервативность человеческого сознания. Именно поэтому большие сомнения внушает столь популярная сегодня и активно разрабатываемая идея синтеза восточной и западной культур на основе изменения моделей поведения крупнейших политиков, представителей различных религий, деятелей науки и бизнесменов. Данная идея, по замыслу ее создателей, призвана заложить основы новой рациональности. Однако цивилизация традиционалистского типа не примет безоговорочно западные ценности, так же как цивилизация техногенная не примет безоговорочно ценности восточной культуры. Процесс взаимного проникновения и установления устойчивых связей двух культур на основе идей коэволюции может оказаться таким продолжительным и осложненным, что времени, отпущенного человечеству на решение глобальных проблем, будет слишком мало, поэтому оптимизм по поводу перспектив возможного взаимообогащающего синтеза на основе коэволюционных процессов двух противоположных по своей сути культур кажется нам преждевременным.

Тем не менее, формирование новой рациональности невозможно без изменения ее оснований, базирующихся на системе ценностей, обеспечивающих устойчивость социального организма, осуществить которое проще всего путём заимствования. В последние годы концепции, в разной степени предполагающие включение в цивилизационное развитие социума элементов восточных культур, определяют одну из ключевых тенденций в попытках решения проблемы изменения ценностных оснований жизнедеятельности социума. Стоит отметить также, что процесс взаимного проникновения восточной и западной культур в свое время был предсказан П. Сорокиным [13].

Развитие современных представлений об отношениях человека с другими людьми и окружающим его миром продемонстрировало определённую общность формирующейся коэволюционной этики как основы новой рациональности, с базовыми ценностями восточных культур. Так, обычно в этом плане видят три точки соприкосновения:

- современные представления, согласно которым окружающая среда представляет собой целост-

ный организм, в который включен человек, согласуются с идеями восточных культур, исходящих из того, что природный мир — это живой организм;

- развивающиеся человекоразмерные системы требуют особых стратегий деятельности, основанных на локальных воздействиях на систему, находящуюся в состоянии крайней неустойчивости; эти стратегии сходны со стратегиями ненасилия, развитыми в восточной культурной традиции;
- в стратегиях деятельности со сложными человекоразмерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, ценностнорационального, что предполагает центры на опасные для человека способы экспериментирования с системой [2. С. 16–17].

Характерной чертой восточных культур является развитие идей гармонии истины и нравственности, которые, будучи спроецированными через призму научно-технологического прогресса, способны обеспечить философско-методологический фундамент для неразрушающих исследований развивающихся человекоразмерных систем. Однако, по нашему мнению, характерное для техногенной цивилизации представление о человеке как активном преобразующем субъекте находится в жесткой оппозиции с типичными для восточной культуры взглядами о допустимости лишь минимально необходимого воздействия на окружающий мир. Эта оппозиция не позволяет уповать на описанные в отдельных концепциях перспективы скорого формирования гармоничного синтеза восточной и западной культур и следующее за ним восстановление естественной среды обитания человека и, как следствие — исходного баланса человека и природы. Возврат к естественной среде обитания в настоящее время для человечества стал принципиально невозможным в силу необратимости произошедших изменений, поэтому, мы полагаем, подобным концепциям присуща некоторая утопичность.

На наш взгляд, теоретический базис формирующейся новой рациональности может быть образован путем гармоничного синтеза коэволюционно-инновационных идей техногенной цивилизации и основных идей русского антропокосмизма, иррационализма, восточных культур. Такой синтез способен сформировать в сознании социума представление о неразрывном единстве человечества и природы, предполагающее, вместе с тем, активное инновационно-преобразующее участие социума в их совместной эволюции, и не позволяющее чело-

вечеству свернуть в тупик развития, основанного на потребительском отношении к себе подобным и к миру в целом.

В трудах многих авторов, посвященных проблемам формирования основ новой рациональности, подчеркивается жизненная важность для общества развития коэволюционных представлений о совместной эволюции социума и природной среды. Мы полагаем, что решение одной этой проблемы ещё не исключает возможность катастрофического сценария развития глобальных событий и предлагаем дополнить принцип коэволюции принципом инновации, что создаст для совместной социоприродной эволюции дополнительный потенциал и возможность некатастрофического развития общества. Только в объединении с активно преобразующим, инновационным началом коэволюционная рациональность способна создать новую традицию, — традицию неразрушающей трансформации социума в его целостности и единстве с природой. Философское исследование феномена инновации предоставит необходимый инструментарий для реализации новой стратегии человечества; поскольку именно инновации, являясь отражением динамической компоненты социального развития, обеспечивают социуму необходимую в условиях глобальной нестабильности адаптацию.

На наш взгляд, именно коэволюционно-инновационная стратегия развития, обеспечивая совместную эволюцию и обновление всех жизнеспособных социальных и природных форм, способна поддерживать процесс самотворения социума в его единстве с природой за счёт своевременного разрешения эволюционных кризисов. Разумное участие человечества в совместном развитии социоприродной системы на основе коэволюционно-инновационной рациональности обеспечит предпосылки для формирования новой управленческой стратегии человечества.

Очевидно, что в этих условиях жизненно необходимым является создание механизма, способного воплотить в жизнь в глобальных масштабах коэволюционно-инновационную стратегию развития, обеспечив эффективное преодоление инерционности социума, обусловленной наличием памяти общества о его предьстории и сформированных на ее основе стереотипов. Роль такого механизма, как мы считаем, должны выполнить национальные и международные инновационные институты, и это подтверждают стихийно и направленно развертывающиеся коэволюционно-инновационные процессы адаптации социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Реймерс Н.Ф., Шупер В.А. Кризис науки или беда цивилизации? // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 68–75.
2. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. — 2003. — № 8. — С. 5–17.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
4. Федоров Н.Ф. Сочинения. — М.: Мысль, 1982. — 711 с.
5. Соловьев Вл. Великий спор и христианская политика // Сочинения в двух томах. — Т. 1. — М.: Правда, 1989. — С. 59–167.

6. Соловьев Вл. Об упадке средневекового миросозерцания. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 25 с.
7. Шеллинг Ф.В. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки – СПб.: Наука, 1998. – 518 с.
8. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 135–152.
9. Шпенглер О. Закат Европы. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества (общедоступное введение). – Новосибирск: Наука, 1993. – 584 с.
10. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Канон-Пресс, 1998. – 384 с.
11. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. – М.: МГВП КОКС, 1995. – 376 с.
12. Бауэр Э.С. Физические основы в биологии. – М.: Мособлздравотдел, 1930. – 103 с.
13. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – 351 с.

Поступила 31.03.2010 г.

УДК 101(091)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ (ФУНДАМЕНТАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

А.Д. Московченко

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
E-mail: fil@tusur.ru

Рассмотрены вопросы фундаментально-технологической философии истории. Высказывается предположение об автотрофном характере будущего философско-исторического знания.

Ключевые слова:

Сущее, должное, фундаментальность, технологичность, автотрофность.

Key words:

Nature, tribute, fundamental character, processability, autotrophic character.

В 1984 г. вышел 4-й, завершающий, том сочинений Аристотеля, где предисловие было написано известным советским философом, Ф.Х. Кессиди [1. С. 8–38]. Предисловие замечательно тем, что философ предлагает оригинальную концепцию философии истории. Подробно анализируя основные пункты расхождения между Аристотелем и Платоном, Ф.Х. Кессиди приходит к выводу о том, что первый делал упор на действительных (относительных, «земных») благах, исходя из *сущего*, т. е. из того, какова реальная жизнь, а второй – на нравственном (абсолютном, «небесном») идеале, ориентируясь на *должное*, т. е. на то, какой должна быть жизнь людей.

Методологические выводы, сделанные мыслителем, имеют принципиальное значение для понимания хода исторического развития и тех процессов, которые мы наблюдаем во всем мире и особенно в «постперестроечной» России. Должное и сущее, идеальное и материальное или, образно говоря, небесное и земное составляют необходимые формы исторического бытия человека. Расхождение между Платоном и Аристотелем затронуло противоречие между идеалом и действительностью, между должным и сущим.

Сказанное, в сущности, означает новое формулирование закона истории, а именно того факта, что источник как подъема, так и падения мировых цивилизаций коренится в диалектике (противоречивом единстве) должного и сущего, идеала (цели,

ценностной ориентации) и действительности. «Механизм» подъема и падения цивилизаций заключался соответственно в соблюдении и нарушении подвижного равновесия между сущим и должным, материальным и идеальным, т. е. между сложившимся положением вещей (общими экономическими и геополитическими отношениями, политическими порядками и т. п.) и тем, каким это отношение вещей должно быть, должно стать с позиций того или иного идеала, намеченной цели жизни и реальности. В этом «должно быть», «должно стать» кроется нравственный и психологический пафос социальных революций, источник уверенности революционеров в своей, можно сказать, святой правде, ради которой они готовы идти на любые жертвы.

Сущее и должное, действительность и идеал (идеалы) не существуют сами по себе, они проявляются в судьбах народов и наций, в особенностях их психологического склада (характера), менталитета (образа мышления и духовного склада), образа жизни, обычаев и культуры. Одни народы (а также их культуры, в значительной степени обусловленные генетическими особенностями характера – народного духа, как было принято говорить в прошлом веке) ориентированы преимущественно на должное, сверхъестественное (религия), сакральное и иррациональное (Восток); другие – на сущее (сервисная технология), светское и рациональное (Запад). Порочность капитализма состоит в перео-